

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Вскоре огромный талант Некрасова, как редактора и собирателя литературных сил, вернулся в журнале «Современник», он начал выпускать его в 1847 году вместе с Панаевым при ближайшем участии Белинского. К сотрудничеству в журнале Некрасов привлек еще молодых тогда писателей — Тургенева, Герцена, Гончарова, Григорьевича, а также лучших поэтов и критиков того времени.

В годы «мрачного семилетия» (1848—1855), когда правительство Николая I, перепуганное революционными событиями в Западной Европе, беспощадно преследовало передовую журналистику, редактор «Современника», вел в упорной борьбе с цензурой сумел сохранить репутацию журнала.

После смерти Николая I, как только ослабел гнет политической реакции, Некрасов начал усиленно печатать свои стихи. Он выступал и как критик, писал рецензии, вел в «Современнике» еженедельное журнальное обозрение.

В это же время, понемногу вытесняя из журнала литературоведческую ориентацию, критиков-эстетов (Дружинин и др.), Некрасов крепко связал свою судьбу с революционными демократами — Чернышевским, а потом и Добролюбовым. Он обеспечил возможность активной работы в журнале. Вместе с ними он оказался в центре передового общественного движения эпохи.

ГЛАВНЫМ ДЕЛОМ его жизни всегда была поэзия. Ее могучий расцвет начался вместе с подъемом общественного движения в предреволюционные годы. Первые же стихи, которые напечатал Не-

ОН ЛИРУ ПОСВЯТИЛ НАРОДУ

красов после смерти самодержца, были посвящены памяти Белинского, имя которого было до тех пор под запретом. Вслед за тем все самые жгучие темы, самые большие вопросы русской жизни неуверенным потоком хлынули в некрасовскую лирику.

Облик Некрасова как первого поэта своего времени обрисовался перед читателями с особой полнотой после того, как вышел сборник его стихов 1856 года. Переписка людей той поры полна сведений о небывалом успехе сборника. Один из современников назвал его самой многозначительной книгой своего времени. Но одни встретили ее с восторгом, другие — с раздвоением и злобой.

Книга открывается диалогом «Поэт и гражданин», в котором Некрасов требует от поэта действительного участия в народной жизни.

Иди в огонь за честь отечины,
За убеждение, за любовь...
Умирь недаром,
дело прочно,
Когда под ним стучится кровь...

На пороге 60-х годов, в период назревания в стране революционной ситуации, когда, по определению В. И. Ленина, ход истории объективно складывался так, что революционный взрыв был вполне возможен, некрасовские стихи приобрели огромную популярность в кругах демократической интеллигенции. Они проникали и в крестьянскую среду, нередко играли роль революционных прокламаций.

В «Размышлениях о парадного подъезда», впервые напе-

чатанных за границей, в «Колоколе» Герцена Некрасов нарисовал драматическую картину бесправия русского мужика.

В «Железной дороге» с огромной силой изображены каторжный труд и ужасающие условия жизни вчерашних крестьян, занятых на строительстве первой железной дороги:

— Мы надрылись
Под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках,
Боролась с голодом,
Мерзли и моли,
болели цынгой...

И все же вера в народные силы не покидала поэта, она помогла ему создать правдивые образы людей деревни, воспеть народ-героя, запечатлеть твердыню Севастополя в сражении Крымской войны, запечатлеть черты русской женщины — «тип величавой славянки» (поэма «Мороз, Красный нос»). Эта же вера позволила ему написать поистине пророческие строки о народе, который

Вынесет все — и широкую,
ясную
Грубую дорожку проложит себе...

Некрасов страдал при мысли о вековой отсталости крепостного крестьянства, он восставал против прославленного славянофилами смирения и пассивности. «...их терпенье безмерное только досаду рождает...» — говорит он о крестьянах. Обращаясь к замученному непосильным трудом бурлаку, а в его лице ко всему народу, он восклицал: «Чем хуже был бы твой удел, когда б ты менее терпел?»

В то же время своих преж-

них друзей, которые когда-то «вышли вместе» с ним на путь гражданского служения, поэт призывал отказаться от розовых иллюзий, от беспочвенных надежд на реформы, обещанные сверху.

Сурово осуждал Некрасов тех своих современников, кто любил произносить громкие слова о «благах народном». В отрыве слова от дела, в либеральной болтовне демократы-шестидесятники видели серьезную опасность для дела революции, которую они страстно ждали и готовили. Вот почему осуждение равнодушия, лицемерия, душевной

дряблости, характерных для тогдашней либерально-дворянской интеллигенции, занимает заметное место в поэзии Некрасова — в его лирике, в поэме «Саша» и особенно в стихотворении «Рыцарь на час» — одном из лучших лирических произведений Некрасова, где с трагической силой звучит также мотив недовольства собой.

Это благородное чувство было свойственно не одному только Некрасову — его часто испытывали лучшие люди того времени. Многие из них хотели принять непосредственное участие в борьбе за народное счастье. Мечтал об этом и Некрасов. Но не всем суждено было найти пути в стан борцов, не все могли превратить в дело свои мечты и порывы. Недаром в «Рыцаре на час» поэт осуждал засасывающее стремление к благам жизни

ни — то, что он называл «тихой нечистой мелкой помыслов, мелких страстей». Обращаясь к тени матери, которая всегда была для него воплощением всего самого возвышенного, он молил ее:

От ликующих, праздных
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан
погибающих
За великое дело любви!
Нет сомнений, что речь шла здесь о любви к свободе.

В последних строках «Рыцаря на час» звучит суровый упрек всем, кто не готов «к трудной борьбе»:

Вы еще не в могиле,
вы живы,
но дела вы мертва
давно,
Суждены вам благе
порывы,
но свершить ничего
не дано...

Путь Некрасова — поэта и редактора — огню не был легким и гладким. Постоянные преследования со стороны реакции, вплоть до закрытия «Современника» в 1866 году; упорная, изнурительная борьба с цензурой, калечившая его стихи; клевета врагов, отступничество друзей... Он преодолевал все это, проявляя неслыханное мужество и твердость в стремлении отстаивать программу своего журнала, чистоту его направления.

Правда, порой в ходе борьбы он обнаруживал колебания, допускал ошибки (выступление с одой на обеде в честь Муравьева). Но потом горько и мучительно казалось в этих ошибках. И не раз говорил об этом с читателем: Что враги! Пусть илвежут язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней,
Той, которую в сердце ношу!

ДАЖЕ СРЕДИ крупнейших русских писателей-гуманистов, протестовавших против бесчеловечности дворянско-буржуазного общества, Некрасову принадлежит место особое. Он не только сочувствовал народу — он отождествлял себя с ним, с крестьянской Россией, заговорил в своих стихах от ее имени и ее языком. Он с гордостью заявлял однажды, что никогда не хвалил в своих стихах представителей высших классов, а все доброе всегда связывал с народом.

Все это объясняет, почему многие некрасовские стихи еще при жизни автора перешли в народ, стали любимыми его песнями («Коробушка», «Тройка», «Меж высоких хлебов затерялся...»). Поэт мечтал о том, чтобы крестьянский мир читал его стихи, для этого он задумал выпускать дешевые брошюры («Красные книжки»), которые должны были распространять в деревнях Владимирской губернии. Первая из таких брошюр, содержавшая поэму «Коробушка», быстро разошлась среди крестьян. Вторая — также, после чего издание было запрещено.

Некрасов не мог бы стать великим национальным поэтом, если бы в своем творчестве не опирался на здоровое, животворное начало народной жизни, если бы не черпал словесных сокровищ из бездонных источников фольклорно-песенной стихии. Об этом с особенной наглядностью свидетельствует поэма «Кому на Руси жить хорошо», вображая в себя картины быта старой деревни, все многообразие

ее характеров и типов, все богатство ее языка, ее песен, собранных «по словечку». Поэма, сохранившая и ныне свое значение великой национальной эпопеи, которую не чем сравнить во всей мировой литературе.

Некрасов, как никто, знал русскую деревню, видел ее вековую отсталость, и все же Русь представлялась ему не только «убогой», но и «обильной», могучей. В толще народной — и в этом была его великая заслуга — он разглядел не только «холопа примерного — Якова верного», но и людей иного склада — богатырей, подобных старому Савелию, бунтарей, вроде Ермаила Гирина, сознательных борцов, народных заступников, как Гриша Добросклонов.

В поэмах «Дедушка», «Княгиня Трубетская», «Княгиня М. Н. Волконская» он прославил героическое начало русской истории, воплощенное в движении декабристов, и вывел образы «русских женщин», исполненные красоты и высокой поэзии.

Но, быть может, нагляднее всего общественные идеалы Некрасова сказались в его поэтической галерее русских передовых деятелей — эту галерею составляют поэма о Белинском, стихи о Добролюбе, о Чернышевском, о Шевченко, элегия, посвященная памяти Писарева.

И недаром в конце жизни он в своих стихах стремился поддержать дело и дух революционно-народнической интеллигенции 70-х годов, к которой обращен знаменитый призыв: «Сейте разумное, доброе, вечное...»

НЕКРАСОВ являет для нас классический пример вмещения «тенденции», верности определенным взглядам и подлинного таланта. Недаром он всегда с насмешкой

отзывался о мелких поэтах, которые гнались за «модой», старались угадать «дух времени», спекулируя своей принадлежностью к тому или иному «направлению». Однажды он выразился о них так:

Эти не блещут особым гением,
Но ведь не бог обижает горшки,
Скорбность главы возмещив направлением,
Пишут изрядно стишки...

Великий художник русского слова, Некрасов стал певцом своего народа, поэтическим выразителем национального самосознания. Всегда оставаясь и борцом, и поэтом, он умел страстно любить и ненавидеть, проклинать и прославлять. Новаторские черты некрасовской лирики и сатиры — титанический труд по обновлению отечественной поэзии, приближению ее к жизни, преобразованию поэтического языка, вобравшего в себя богатства народной речи, — все это неоспоримый вклад в русскую литературу.

Впитав и разлив традиции своих великих предшественников — Пушкина и Лермонтова, Некрасов выступил как пролагатель новых путей, он оказал большое влияние на советскую литературу, советскую поэзию, явившись предшественником Блока, Есенина, Маяковского, Демьяна Бедного, Твардовского.

В 1921 году А. В. Луначарский сказал: «Не приняжая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, — мы все же говорим: нет в русской литературе, во всей литературе нашей такого человека, перед которым мы с любовью и благоговением склонились бы ниже, чем перед памятью Некрасова».

В. ЖДАНОВ.

ПОЭТ, ГРАЖДАНИН,

Виктор БОКОВ:

Сто пятьдесят лет прошло со дня рождения Некрасова. Жизнь его длилась полвека, целое столетие живут его стихи. Они были и остаются народными и выдержали испытание самым бурным в жизни нашей страны временем.

Когда-то Некрасов писал: Буря бы грянула, что ли! Наша с краями полна.

Он говорил о чаше народного горя, о страданиях миллионов униженных и оскорбленных людей. В этих строках нетрудно расслышать предостережение горьковских слов: «Пусть сильнее грянет буря!»

С детства мы привыкли называть подраж три имени: Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Все они были певцами свободы. Но только у Некрасова творческая зрелость совпала с той порой общественного развития России, когда уже было ясно, что никакие

реформы внутри самодержавия не могут освободить народ. И Некрасов решительно порвал со своим классом.

Его поэтическое наследие неисчерпаемо. Великую поэму «Кому на Руси жить хорошо» можно изучать, как живую жизнь народа. В ней рассыпаны бесчисленные сокровища метких наблюдений, нашла отражение мудрость народная, вера народа в свою силу и социальную правоту.

Дмитрий СУХАРЕВ:

Мне хочется обратить внимание на ту легкость, с какой стихи Некрасова превращались в народные песни. Каким-то неведомым способом неграмотный в массе народ нашел нужные ему слова и сделал их своей любимейшей песней.

Счастливая песенная судьба некрасовских стихотворений в русском народе — явление, над которым не

требуется поразмыслить. Кем в конце концов был он, Некрасов? Барин, дворянин, человек сугубо городской профессии — литератор и редактор. Ни в жизни, ни в творчестве не ридился он в аристократический мир, оставаясь самим собой. Но бесконечно искренним был его интерес к людям, которые все вместе составляли наш трудящийся народ, бесконечно сердечным было сочувствие к ним.

Это душевное волнение, став главной жизненной страстью, выразило себя в пронзительных стихах, которые не могли не вызывать отклик в душе народа.

Хута БЕРУЛАВА:

О нем дужно говорить именно сегодня, сейчас, когда нашему взору предстают гигантские сооружения и свершения века. Они опережают воображение, под-

ПАТРИОТ

сказывают новые образы, и даже в конструктивных стихах проталкивает стремление пишущих не отстать от времени. А между тем существует истина, которую невозможно отменить, подогнать под «формы эпохи»: «нерв» большой поэзии, ее истоки и корни — в народной жизни, в простых и трудных человеческих деяниях, воплощающих вечный народный идеал созидания. Вся поэзия Некрасова исходит из этого, и в этом — ее самый главный урок. Урок гражданственности.

Исследователи подчеркивают: в истории русского освободительного движения некрасовская муза сыграла огромную роль. Истинно так. Но сегодня мы не можем ограничивать творчество поэта географическими рамками. Меня всегда поражаало созвучие лиры Некрасова идеям, живущим в поэзии Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели...

Игорь ВОЛГИН:

Давно искали социальные истоки, питавшие «музу мести и печали»: нет теперь такого народа, такого крестьянства — в их точном, реальном, некрасовском смысле. Но осталось нечто большее, чем просто литературная традиция, — я бы назвал это национальной преэмцией, той нравственной преэмцией, которая осязает всю русскую культуру, сообщая «хрестоматийным» ее звеньям поистине поразительную осязаемость и актуальность. Ибо великая русская литература неизменно затрагивала первоэлементы человеческого бытия.

Жизненными остаются пра-

вственные силы и обаяние поэзии Некрасова. Можно любить или не любить отдельные его стихотворения — в конце концов это дело вкуса. — Но немислимо представить современную поэзию (да и не только поэзию!) без некрасовского понимания добра и зла, без некрасовской любви ко всему страждущему.

Постепенно мы становимся душевно богаче и щедрее. Мне трудно представить, например, рабаковца 20-х годов, равно любящего и Некрасова, и Фета. Но вот что пишет наш современник: «Вдали от всех Парнасов и мелочных сует со мной опять Некрасов и Афанасий Фет». Это отнюдь не всеядность, это — свидетельство зрелой душевной широты.

Я никогда не стремился подражать Некрасову. Но мне трудно представить себя без соприкосновения с его поэтическим и нравственным миром. Разумом я способен понять достоинства или недостатки Некрасова. Но я не в силах взвешивать их ни на каких весах, я не в силах разделить здесь поэта от человека, ибо я просто люблю Некрасова.

Борис ОЛЕЙНИК:

Николай Некрасов принадлежит к тем литераторам, которые боролись за общее дело и меньше всего заботились о своей персоне. Это чистое рахметовское самоограничение. Этот внутренний аскетизм доминирует и в оценке поэтом собственного творчества, своих поэтических строк. Склоняясь перед высокой скромностью поэта, мы, его наследники, ставим Н. А. Некрасова в один ряд с певцами, освещенными вечностью. В истории мировой литературы вряд ли найдется литератор, который бы с такой нежностью, как Некрасов, говорил о человеке-труженике, и прежде всего о хлеборобе.

Его юбилей — настоящий праздник для каждого из нас, для всех наших литераторов. Для нас, украинцев, это праздник особенный. Ведь в мир поэта пришел под вербным немировским небом на Виннице, первую песню услышал на языке Шевченко.

«НА ПОДВИГ ЛЮБВИ БЕСКОРЫСТНОЙ!»

ПИСЬМО
ВТОРОЕ

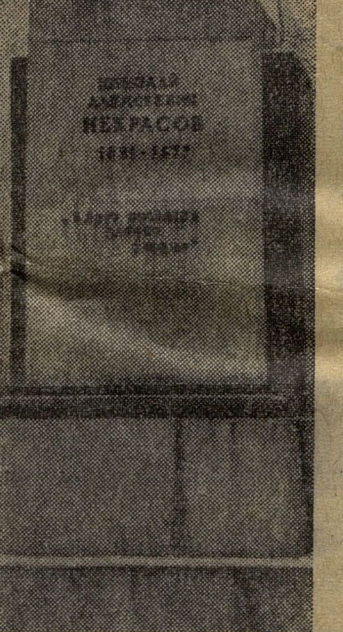
ОБАЯНИЕ великого таланта имеет столь бесконечное множество граней и сокровенностей, что, наверное, каждый постигает в них что-то очень для себя важное. И сегодня, в день рождения Николая Алексеевича Некрасова, продолжая рассказывать о пути по следам его поэмы «Русские женщины», скажу: мне всегда казалось, будто через множество десятилетий поэт мечтает о том, чтобы каждая из нас, сегодняшних, была верна всему прекрасному и лучшему в Женщине...

ЧЕРЕЗ всю Россию на подвиг любви и долга мчались Елизавету Трубетскую.

для мужа, а «по-человечески»,
...ЛОГИЧНАЯ, но, пожалуй, неожиданная для меня ситуация произошла в тот час, когда пришла я в бывший дом Волконских на ленинградской набережной Мойки, 12. Отсюда морозным утром 1826 года уезжала в неведомую Сибирь Мария.
Что место мое не на пыльном балу, а в дальней пустыне урюмой, где узник усталый в тюремной углу Терзается лютой думой...
Наверное, я тоже была обаята «лютой думой» о Волконской, проходя через те самые дубовые ворота, которые распахнулись когда-то перед

«талисман» — так он, Пушкин, веря в таинственное значение и силу колец, называл свой знаменитый перстень с горящим «глазом» зеленого изумруда. Этот перстень был снят с большого пальца мертвой руки Пушкина...

Сейчас радом с «талисманом» Людмила Петровна кладет тонкое золотое кольцо с сердолитом, на котором вырезаны три амура в ладье. Это кольцо, как рассказывает мне Людмила Петровна, было положено поэтом в лотерею, что разыгрывалась в доме отца Волконской, и было выиграно Марией. Как великую реликвию носила его Волконская все время своего пребывания в Сибири и потом, до

Бывают мгновения, когда, кажется, слышишь голоса прошлого и слышишь их со своими мыслями... Стою сейчас...

смотреть и запомнить навсегда уходящих по улице Горького на фронт героев и героинь Москвы. И песню: «Идет война народная, священная война...»
Уходила ночь конца декабря 1826 года, лишь самые близкие гости остались.

О, пойте же, пойте! играйте!.. Ни музыки я не услышу такой, ни песни... Наслушаться дайте!.. И чудные звуки лились без конца! Торжественной песней прощальной Окончился вечер...

ВЕЧЕР. Но еще не конец поэмы. Еще писать и писать. «Я, бывало, — вспоминал Некрасов, — запылся, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечал, никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; прилежешь на час, другой и опять за то же».

— А вот Яковлева Панаева говорит в своих «Воспоминаниях», что Некрасов писал прозу за письменным столом...

военкомат города Ярославля:

«Прошу... удовлетворить мою просьбу — принять меня добровольно на службу в ряды РККА, так как я желаю получить военную специальность и применять ее в борьбе против немецких захватчиков, которые убили мою мать, братьев и сестру, а хочу отомстить... за смерть моих родных...» И подпись: «Родилась в 1921 году, образование 9 лет. Работаю секретарем Областного Управления Гостраха. О вызове прошу сообщить по адресу Советская площадь, дом 2...»

Шла священная народная война, и Прасковья Ефимовна Морева — колхозница Гаврилов-Ямского района Ярославской области отправляла на фронт десять сыновей. А сама, выработывая в колхозе «Путь к коммунизму» более трехсот трудовых, внесла из своих сбережений три тысячи рублей на строительство танковой колонны. А в госпиталь для раненых бойцов передавала овощи и фрукты.

ГЛАВНЫМ ДЕЛОМ его поэзия всегда оставалась поэзией. Ее могучий расцвет начался вместе с подъемом общественного движения в предреформенные годы. Первые же стихи, которые напечатал Некрасов...

демократической интеллигенции. Они проникали и в крестьянскую среду, нередко играли роль революционных прокламаций. В «Размышлениях у парадного подъезда», впервые напе-

нах. Обращаясь к замученному непосильным трудом бурлаку, а в его лице ко всему народу, он восклицал: «Чем хуже был бы твой удел, когда б ты менее терпел?» В то же время своих преж-

поэт осуждал засасывающее стремление к благам жизни. Горько и мучительно казалось в этих ошибках. И не раз горю об этом с читателем: Что враги? Пусть млевают азвительней, Я пощады у них не прошу, Не придумать им назни мучительней, Той, которую в сердце ношу!

ПОЭТ, ГРАЖДАНИН,

Виктор БОКОВ:

Сто пятьдесят лет прошло со дня рождения Некрасова. Жизнь его длилась полвека, целое столетие живут его стихи. Они были и остаются народными и выдержали испытание самым бурным в жизни нашей страны временем.

Когда-то Некрасов писал: Буря бы грянула, что ли Чаша с краями полна.

Он говорил о чаше народного горя, о страданиях миллионов униженных и оскорбленных людей. В этих строках нетрудно расслышать предвестие крылатых горьковских слов: «Пусть сильнее грянет буря!»

С детства мы привыкли называть подрай три имени: Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Все они были певцами свободы. Но только у Некрасова творческая зрелость совпала с той порой общественного развития России, когда уже было ясно, что никакие

реформы внутри самодержавия не могут освободить народ. И Некрасов решительно порвал со своим классом.

Его поэтическое наследие неоспоримо. Великую поэму «Кому на Руси жить хорошо» можно изучать, как живую жизнь народа. В ней рассыпаны бесчисленные сокровища метких наблюдений, нашла отражение мудрость народная, вера народа в свою силу и социальную правоту.

Дмитрий СУХАРЕВ:

Мне хочется обратить внимание на ту легкость, с какой стихи Некрасова превращались в народные песни. Каким-то неведомым способом неграмотный в массе народ наш нужные ему слова и сделал их своей любимейшей песней.

Счастливая песенная судьба некрасовских стихотворений в русском народе — явление, над которым не

грех поразмыслить. Кем в конце концов был он, Некрасов? Барин, дворянин, человек сугубо городской профессии — литератор и редактор. Ни в жизни, ни в творчестве не рвался он в зипун, оставаясь самым собой. Но бесконечно искренним был его интерес к людям, которые все вместе составляли наш трудящийся народ, бесконечно сердечным было сочувствие к ним.

Это душевное волнение, став главной жизненной страстью, выразило себя в пронзительных стихах, которые не могли не вызвать и долго еще будут вызывать отклик в душе народа.

Хута БЕРУЛАВА:

О нем нужно говорить именно сегодня, сейчас, когда нашему взору предстают гигантские сооружения и свершения века. Они опережают воображение, под-

«НА ПОДВИГ ЛЮБВИ БЕСКОРЫСТНОЙ!»

ПИСЬМО ВТОРОЕ

ОБАЯНИЕ великого таланта имеет столь бесконечное множество граней и сокровенностей, что, наверное, каждый постигает в них что-то очень для себя важное. И сегодня, в день рождения Николая Алексеевича Некрасова, продолжая рассказывать о пути по следам его поэмы «Русские женщины», скажу: мне всегда казалось, будто через множество десятилетий поэт мечтает о том, чтобы каждая из нас, сегодняшних, была верна всему прекрасному и лучшему в Женщине...

ЧЕРЕЗ всю Россию на подвиг любви и долга мчались кони Екатерины Трубецкую. Скорей, ямщик, скорей!

Тем временем в Петербурге, еще не зная, что навсегда, но предупредили, что надолго, прощались со своим единственным годовалым сыном Мария Волконская. Диву даешься, откуда эта двадцатилетняя привыкшая к роскоши и поклонению красавица княгиня набралась безоговорочной твердости на тайну от родителей категорическую просьбу к самому царю? Где нашла силы вступить в истинное единообразие со своей сильной, знатной и очень волевой семьей — исчерпав все искусство, семья молила ее, плакала и грозила одновременно. Человека слабого такое надломило бы, отняло волю и испепелило стремления. Но Волконская выстояла, не сломавшись. И это достойно восхищения! Котати, отец ее, человек справедливый, умирая, сказал, указав на портрет дочери: «Вот — самая удивительная женщина, которую я знал...»

Литератор П. Щеголев, написавший когда-то подробный биографический очерк к «Запискам княгини Марии Николаевны Волконской», в разбирая в нем все оттенки подвига одиночества жен декабристов, деливших с мужьями изгнание, отмечал: «Для Волконской он (подвиг... Т. А.) был подвигом «борьбы» чисто органическим и абсолютно чуждым эгоистическим соображениям. Она совершила его не для себя, не

для мужа, а «по-человечески».

...ЛОГИЧНАЯ, но, пожалуй, неожиданная для меня ситуация произошла в тот час, когда пришла я в бывший дом Волконских на ленинградской набережной Мойки, 12. Отсюда морозным утром 1826 года уезжала в неведомую Сибирь Мария.

Что место мое не на пыльном балу, А в дальней пустыне урюмой, Где узник усталый в торном углу Терзается лютой думой...

Наверное, я тоже была обвита «лютой думой» о Волконской, проходила через те самые дубовые ворота, которые распахнулись когда-то перед нею... Как-то откровенно и суматошно обратилась к хранителю музея-квартиры Нине Ивановне Голлер:

— Здравствуйте, расскажите, пожалуйста, где жила здесь Волконская?

Как-то разочарованно взглянув на меня, Нина Ивановна сдержанно ответила:

— Она жила в этом доме недолго. В квартире первого этажа. Я покажу. Вас только это интересует? Никогда не промучи себе первых минут встречи с Ниной Ивановной, своей минутной «откровенности». Ведь я раньше бывала и бывала в этом музее-квартире, святая святых земли нашей, здесь, где умер... Пушкин. Да, отсюда уезжала в Сибирь Волконская, но ведь в этом же доме Пушкин снимал потом квартиру, через эти же дубовые ворота уходил он на дуэль, здесь — умер... Случайно ли, что, свято поклоняясь подвигу Волконской, именно эту квартиру снял он потом? О чем он здесь размышлял, какими мысленными дорогами вел его гениальный ум.

Во глубине сибирских руд Храните гордое терпение...

Я стою, замерев, в хранилище музея-квартиры. Сюда редко кого пускают... Людмила Петровна Февчук, взглянув на меня, предлагает присесть на диван Волконских, а потом поворачивает ключ в тяжелом сейфе. И вот...

Наверное, этого нельзя делать, но я беру в руки его

«талисман» — так он, Пушкин, веря в таинственное значение и силу колец, называл свой знаменитый перстень с горящим «глазом» зеленого изумруда. Этот перстень был снят с большого пальца мертвой руки Пушкина...

Сейчас рядом с «талисманом» Людмила Петровна кладет тонкое золотое кольцо с сердоликом, на котором вырезаны три амура в ладье. Это кольцо, как рассказывает мне Людмила Петровна, было положено поэтом в лотерею, что разыгрывалась в доме отца Волконской, и было выиграно Марией. Как великую реликвию носила его Волконская все время своего пребывания в Сибири и потом, до самой смерти...

Два кольца лежат сейчас рядом, две судьбы... Две судьбы, скрестившиеся в этом легендарном доме. Случайно ли? Разгадки нет! А может быть, пока лишь нет ответа?

Робко можно, поискать какие-то далекие-далекие отсветы, нет, в ответа, лишь отсветы его... Кони мчались восток Марии — путь ее лежал через Москву. Об этом позже вот как писал в своей поэме величайший собрат Пушкина по перу Николай Алексеевич Некрасов:

Тут были родные ушедших туда, Куда я сама торопилась, Писателей группа, Любимых тогда...

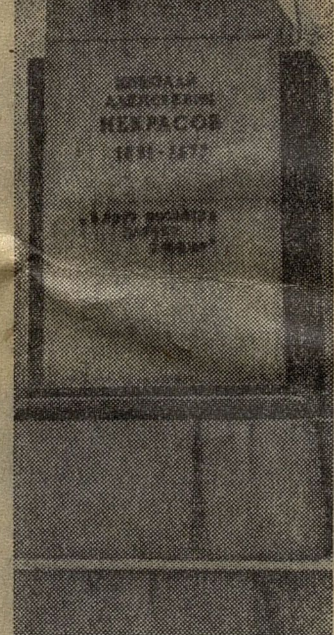
И Пушкин тут был...

И вот какой показалась эта встреча Волконской:

Покинув привычный насмешливый тон, С любовью, с тоской бесконечной, С участием брата напустивший он Подругу той жизни беспечной.

Волконская вспоминает, что ей говорил поэт:

Поверьте, душевной такой Не стоит сей свет чистоты Блажен, кто меняет его На подвиг любви бескорыстной! Что свет? опустившийся всем маскарад! В нем сердце черствеет и дремлет, В нем царствует вечный, рассчитанный хлад...

Бывают мгновения, когда, кажется, слышишь голоса прошлого и слышишь их со своими мыслями... Стою сейчас у московского дома на улице Горького и, на удивление прохожим, слушаю, подняв голову к верхним окнам... Кто-то подползает ко мне и с тревогой спрашивает: «Что-нибудь случилось?» Как ответить... Два кольца — два сдвигания судьбы? Два поэта — оба мудрецы...

До поздней ночи горят окна в роскошном доме Зинаиды Волконской — родственницы Марии по мужу. Здесь вся московская интеллигенция, поэты, итальянские певцы... Быть может, кто-то еще сомневающийся, и отговаривает Марию — долгий, мучительный для нее вечер. Но, нет, ведь сильная духом не возвращается вспять, приняв однажды гордое, безоговорочное решение... И чтобы этому мы были тоже верны, — мечтал когда-то Некрасов.

«На днях видели мы здесь проезжающих далее Муравьева-Чернышину и Волконскую. Раевского. Что за трогательное и возвышенное обречение. Спасибо женщинам: они дают несколько прекрасных строк нашей истории», — писал бывший на вечеру у Зинаиды Волконской князь Вяземский.

БЫВАЮТ МГНОВЕНИЯ, когда невольно слышишь голоса и близкого прошлого... Помню суровую военную Москву с мертвенными полосами ночных прожекторов и нас, замерших девочек и мальчишек, прибежавших по-

смотреть и запомнить навсегда уходящих по улице Горького на фронт героев и героинь Москвы. И песню: «Идет война народная, священная война...» Уходила ночь конца декабря 1926 года, лишь самые близкие гости остались.

О, пойте же, пойте! играйте!.. Ни музыки я не услышу такой, Ни песни... Наслушаться дайте!.. И чудные звуки лились без конца! Торжественной песней прощальной Окончился вечер...

ВЕЧЕР. Но еще не конец поэмы. Еще писать и писать. «Я, бывало, — вспоминал Некрасов, — запырь, заведу огонь и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь, никуда ни ногой, огонь горит, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же».

— Авдотья Яковлевна Павлова говорит в своих «Воспоминаниях», что Некрасов писал прозу за письменным столом, даже лежал на диване. А вот стихи сочинял, ходя по комнате, и вслух произносил их. Оканчивая стихотворение — записывал его на первом попавшемся лоскутке бумаги, — рассказывает мне внучатый племянник поэта Николай Константинович Некрасов.

Вечер в Карабихе, что под Ярославлем. Музей-усадьба Николая Алексеевича Некрасова. Представляю себе, сколько сегодня там собралось глубоких почитателей поэзии, поэты, итальянские певцы... Быть может, кто-то еще сомневающийся, и отговаривает Марию — долгий, мучительный для нее вечер. Но, нет, ведь сильная духом не возвращается вспять, приняв однажды гордое, безоговорочное решение... И чтобы этому мы были тоже верны, — мечтал когда-то Некрасов.

Да, только здесь могу я быть поэтом!

Так писал он о Карабихе. Здесь, в большой многооконной гостиной, где тяжелые темные портреты и отсветы золотом белые обои на стенах, стоит высокая конторка. За ней он писал своих «Русских женщин». Творил, вышагивая и вышагивая по комнате, вглядываясь покрывшимися от усталости глазами в тонкие силуэты берез за темными окнами. Там притих парк, откосы сбегающий к любимому пруду, притихла его ярославская земля. Поэт пишет свою поэму. В ней так много созвучного, близкого, родного и женщинам ярославских селений, городов... Женщинам и прошлому, и будущему.

Екатерине Михайловне Устиной. Она писала 20 мая 1942 года в Кировский рай-

военкомат города Ярославля: «Прошу... удовлетворить мою просьбу — принять меня добровольно на службу в ряды РККА, так как я желаю получить военную специальность и применять ее в борьбе против немецких захватчиков, которые убили мою мать, братьев и сестру, я хочу отомстить... за смерть моих родных...» И подпись: «Родился в 1921 году, образование 9 лет. Работаю секретарем Областного Управления Гостреха. О вызове прошу сообщить по адресу Советская площадь, дом 2...»

Шла священная народная война, и Прасковья Ефимовна Моревна — колхозница Гаврилов-Имского района Ярославской области отправляла на фронт десять сыновей. А сама, выработавшая в колхозе трехсот трудодней, внесла из своих сбережений три тысячи рублей на строительство танковой колонны. А в госпиталь для раненых бойцов передавала овощи и фрукты.

Сыновья Моревой Василий, Иван, Сергей, Геннадий, Алексей Моревы погибли, защищая Родину. Лишь от Сергея на память остался матери теплый шерстяной платок, подаренный ей перед уходом на фронт...

Ярославские партизанки М. Шамапова, Л. Орлова и М. Гаврилова перед отправкой на фронт. Я вижу их на стареньком пожелтевшем фото. В очинных пубах, валенках, меховых шапках. Молодые незатейливые лица — а взгляд — «парит»...

СПУСКАЛАСЬ ночь на старый парк некрасовской Карабихи. Вот здесь, у подножия пригорка на поляне рос раньше старый кедр, под которым Некрасов впервые читал родным своим «Русских женщин».

— Как рассказывала мне моя бабушка Наталья Павловна, все они слушали поэта с затаенным дыханием. А когда поэт взглянул на своих слушателей, то понял, какое впечатление произвела на всех его поэма, и был счастлив, — так говорил мне внучатый племянник поэта Николай Константинович Некрасов.

...А на пне старого кедра выросла сейчас из занесенного, наверное, добрым ветром семечка, тонкая молодая береза.

Т. АГАФОНОВА. (Над спец. корр.)

Ленинград — Москва — Ярославль — Карабиха. Фото автора.

НЕКРАСОВ являет для нас классический пример соотнесения «тенденции», верности определенным взглядам и подлинного таланта. Недаром он всегда с насмешкой

роет, вечно... востенные силы и обаяние поэзии Некрасова. Можно любить или не любить отдельные его стихотворения — в конце концов это дело вкуса, — но немисливо представить современную поэзию (да и не только поэзию!) без некрасовского понимания добра и зла, без некрасовской любви ко всему страждущему.

Постепенно мы становимся душевно богаче и щедрее. Мне трудно представить, например, рабфаковца 20-х годов, равно любящего и Некрасова, и Фета. Но вот что пишет наш современник: «Влали от всех Парнасов и мелочных сует со мной опять Некрасов и Афанасий Фет». Это отнюдь не всеядность, это — свидетельство зрелой душевной широты.

Я никогда не стремился подражать Некрасову. Но мне трудно представить себя без соприкосновения с его поэтическим и нравственным миром. Разумом я способен понять достоинства или недостатки Некрасова. Но я не в силах взвешивать их ни на каких весах, я не в силах разделить здесь поэта от человека, ибо я просто люблю Некрасова.

Борис ОЛЕЙНИК: Николай Некрасов принадлежит к тем литераторам, которые боролись за общее дело и меньше всего заботились о своей персоне. Это чисто рахметовское самоограничение. Этот внутренний аскетизм доминирует и в оценке поэтом собственного творчества, своих поэтических строк.

Склоняясь перед высокой скромностью поэта, мы, его наследники, ставим Н. А. Некрасова в один ряд с певцами, овеянными вечностью. В истории мировой литературы вряд ли найдется литератор, который бы с такой нежностью, как Некрасов, говорил о человеке-труженике, и прежде всего о хлеборобе.

Его юбилей — настоящий праздник для каждого из нас, для всех наших литераторов. Для нас, украинцев, это праздник особенный. Ведь в мир поэт пришел под вербным мировским небом на Винничине, первую песню услышал на языке Шевченко.

Борис ОЛЕЙНИК:

Николай Некрасов принадлежит к тем литераторам, которые боролись за общее дело и меньше всего заботились о своей персоне. Это чисто рахметовское самоограничение. Этот внутренний аскетизм доминирует и в оценке поэтом собственного творчества, своих поэтических строк.

Склоняясь перед высокой скромностью поэта, мы, его наследники, ставим Н. А. Некрасова в один ряд с певцами, овеянными вечностью. В истории мировой литературы вряд ли найдется литератор, который бы с такой нежностью, как Некрасов, говорил о человеке-труженике, и прежде всего о хлеборобе.

Его юбилей — настоящий праздник для каждого из нас, для всех наших литераторов. Для нас, украинцев, это праздник особенный. Ведь в мир поэт пришел под вербным мировским небом на Винничине, первую песню услышал на языке Шевченко.

Д. Шаринов. Иллюстрация к поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины».

Третья программа. 10.40 и 12.40 — Для учащихся 8-х классов. Литература. 11.10 — Французский язык. Урок 12-й. 11.45 и 14.30 — Для учащихся 8-х классов. Природоведение. 13.20 — Для учащихся 9-х классов. Литература. 17.15 — Для учащихся 9-х классов. Литература. 18.00 — Для студентов-заочников III курса. Финансы. 19.20 — Для студентов-заочников II курса. Высшая математика. 20.40 — Немецкий язык. Урок 13-й. 21.20 — Для поступающих в вузы. Математика.

Четвертая программа. 19.25 — Новости. 19.30 — «Максим Перепелица». Худ. фильм. 21.00 — В эфире — «Молодость». Обзор передач «Алло, мы ищем таланты».

ПОГОДА

Москва и Московская область: облачная погода без существенных осадков, местами слабый гололед и гололедица, ветер юго-восточный, слабый до умеренного, минус 2—4, местами минус 7.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, ГСП, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Б 04246. 50057. Изд. № 2538.